RFE-RL

Архив Самиздата • Радио Свобода

МАТЕРИАЛЫ САМИЗДАТА

Выпуск №2/85 11 января 1985 г.

АС №№		стр.
5377.	"Приговор" Закарпатского облсуда инженеру-конструктору Анатолию Шимко, осужденному на 3 года ИТК общ. реж., Ужгород, УССР, 29.1.80.	7
5378.	Анатолий Шимко, украинец, инженер-конструктор, быв. п/з. Письмо неуказанному адресату с просьбой ходатайствовать о пересмотре его дела, Ужгород, УССР, январь-сентябрь 1983.	4
5379.	Анатолий Шимко,.. "Открытое письмо в ЦК КПСС" о преследовании за критику, Ужгород, УССР, сентябрь 1983.	2
5380.	Олег Радзинский, п/з. "Ходатайство" суду об исключении из обвинения эпизодов, касающихся его рассказа "Как мы живем" и киносценария "Рождение" (Москва, 13.10.83).	11
5381.	Сообщение о суде над Владимиром Порешем в Чистопольской тюрьме 23.10.84 (без места, вскоре после 23.10.84).	4

The attached documents have been received and processed by the Samizdat Staff of Radio Liberty Division for broadcast use by programming personnel of RFE-RL, Inc. In this form they may also be made available to interested scholars, libraries and research organizations. RFE-RL, Inc., takes no responsibility for further dissemination or use by non-employees of RFE-RL, Inc.

АС №5377. **"Приговор" Закарпатского облсуда инженеру-конструктору Анатолию Шимко, осужденному на 3 года ИТК общ. реж., Ужгород, УССР, 29.1.80.**[+]

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ УКРАИНСКОЙ ССР

Дело №2-5
1980 г.

П Р И Г О В О Р

ИМЕНЕМ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1980 года января "29" дня Судебная коллегия по уголовным делам Закарпатского областного суда в составе:

председательствующего - ТОКАРЯ Г.Ф.[1],
народных заседателей - ГРЕЧНЕВА П.С., ГАРАГОНИЧА В.В.,
при секретаре - ШНАЙДГЕН А.Д.,
с участием прокурора - ДЕРДЯК Ф.И,
- " - адвоката - ШТЕРНА В.И.[2],

рассмотрев в открытом судебном заседании в зале суда в городе Ужгороде дело по обвинению

Ш И М К О Анатолия Степановича, 29 апреля 1940 г.р., уроженца города Карань Тельмановского р-на Донецкой обл., жителя гор. Ужгорода Закарпатской области, украинца, с высшим образованием, женатого, имеющего на иждивении 2-х несовершеннолетних детей, беспартийного, несудимого, гражданина СССР, работавшего на Ужгородском экспериментальном заводе газотранспортных турбоустановок инженером-инструктором,

в преступлении, предусмотренном ст.187-1 УК УССР,

[+]Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.

1. Ср. "Р.Ф." (с.7).
2. Ср. "В.М." (АС №5378:3).

у с т а н о в и л а:

ШИМКО А.С., считая себя обиженным из-за увольнения с работы на городском машиностроительном заводе[1], на протяжении 1978-1979 годов добиваясь восстановления своих якобы нарушенных трудовых прав, с целью привлечения к себе внимания занимался изготовлением и распространением политически вредных измышлений, за что 27 марта 1979 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 г. "О применении органами государственной безопасности предупреждения в качестве меры профилактического воздействия" ему было сделано официальное предостережение о недопустимости такого рода действий.

Однако ШИМКО А.С. должного вывода для себя не сделал, на путь исправления не стал, более того, начал заниматься изготовлением и распространением в письменной и печатной формах писем, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Так, в апреле 1979 г. ШИМКО А.С. на почтовых маркированных[2] карточках изготовил рукописным текстом значительное количество писем, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Часть из этих писем по почте отправил в соответствующие партийные органы, а 11 экземпляров были обнаружены у него на квартире и на работе при обыске и приобщены к делу.

В начале августа 1979 г. ШИМКО А.С. на пишущей машинке изготовил значительное количество писем, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Эти письма ШИМКО А.С. 16 августа 1979 г. распространял для общего обозрения по гор. Ужгороду путем расклеивания их в людных местах на различных улицах города, из которых 17 экземпляров были жителями города изъяты, сданы соответствующим органам, 6 экземпляров обнаружены и изъяты из ящика стола ШИМКО А.С. по месту работы.

1. В получ. копии "из городского машиностроительного завода".
2. В получ. копии "маркировочных".

В этот же день утром ШИМКО А.С. при встрече на улице вблизи Ужгородского машиностроительного завода передал КОВАЧ С.С. одно из этих писем для передачи его работнику названного завода СОТНИКУ Н.[1], а второе письмо передал РОМАН В.В. для вручения ДИДУЧЕНКО.

21 августа 1979 г. ШИМКО А.С. на Ужгородском экспериментальном заводе газотранспортных турбоустановок, где он работал, передал для ознакомления такое письмо с заведомо ложными измышлениями, порочащими советский государственный и общественный строй, инженеру-конструктору САЛО В.И.

ШИМКО в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал, считая, что изготовленные и распространенные им письма не являются заведомо ложными, порочащими советский государственный и общественный строй, и показал, что в апреле 1979 г. закупил около 50 почтовых карточек, на которых написал составленный им текст. Примерно 13 штук из них отправил в адрес Политбюро ЦК КПСС, а остальные у[2] него изъяты при квартирном обыске. В августе 1979 г. составил другое письмо, которого около 50 штук отпечатал на пишущей машинке своего тестя ШНЕЕРСОНА Я.Е.[3] и примерно 45 экземпляров 16 августа 1979 г. распространил на различных улицах города Ужгорода. В этот же день одно такое письмо передал КОВАЧ С.С. для передачи СОТНИКОВУ В.В., другое передал РОМАНУ В.В. для вручения ДИДУЧЕНКО, а 21 августа 1979 года третье дал для ознакомления САЛО В.И.

Однако виновность ШИМКО А.С. в предъявленном ему обвинении, кроме его пояснения, доказана полностью собранными по делу и проверенными в судебном заседании доказательствами.

Из сообщения начальника управления КГБ УССР по Закарпатской обл. /л.д. 166-167/ видно, что 27 марта 1979[4] года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря[5] 1972 года ШИМКО А.С. органами КГБ было сделано официальное предостережение о недопустимости занятия изготовлением в письменной форме и распространением политически вредных измышлений.

---

1. Неразб.; ср. "Сотников В.В." (ниже).
2. В получ. копии "от".
3. Ср. "Я.Б." (с.5, 6, 7) - вероятно, правильно.
4. В получ. копии "1977" - опечатка (см. с.2).
5. В получ. копии "октября" - опечатка.

Протоколом обыска от 19 сентября 1979 г. /л.д. 45/ и протоколом изъятия от 29 сентября 1979 года /л.д. 86/ подтверждено, что на квартире у ШИМКО А.С. обнаружено и изъято 3 почтовых карточки, адресованные в ЦК КПСС, а в ящике стола ШИМКО А.С. по месту его работы - 7 таких карточек[1]. Все они заполнены рукописным текстом, содержащим заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Согласно заключению судебно-почерковедческой экспертизы рукописный текст на этих почтовых карточках выполнен ШИМКО А.С. /л.д. 116-117/.

Свидетели ЯСИНСКИЙ П.П., КАЧАЛОВ [2].А. и КРАВЧУК [3].И. показали, что утром 16 августа 1979 года недалеко от Ужгородского машиностроительного завода встретили ШИМКО А.С., который шел им навстречу с портфелем в руках. Разойдясь с ним, на воротах проходной завода заметили приклеенный лист бумаги. Прочитав его, они поняли, что это листовка, содержащая заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, и сняли ее. Проходя дальше, мимо здания филиала техучилища №5, на двери обнаружили аналогичное письмо, которое сняли и передали в партком завода.

Свидетель РОМАН В.В. подтвердил, что утром 16 августа 1979 г на улице Успенского в Ужгороде, недалеко от машиностроительного завода, ШИМКО А.С. вручил ему конверт с письмом для передачи его работнику упомянутого завода ДИДУЧЕНКО. Прочитав содержание письма, он понял, что это клевета на советскую действительность.

Свидетель САЛО В.И. показал, что 21 августа 1979 г. ШИМКО А.С. дал ему один экземпляр своего "открытого письма в ЦК КПСС" для ознакомления. Прочитав его, он возмутился клеветническим его содержанием на советский государственный и общественный строй и передал в партком завода.

Свидетель МАСАМЕД В.С. пояснил, что утром 16 августа 1979 г. идя на работу, на углу улиц Одесской и Готвальда в Ужгороде на

1. Ср.: всего изъято 11 карточек (с.2, 5).
2. Неразб.; м.б. "М".
3. Неразб.; м.б. "И" или "М"; ср. "И.И." (с.6).

дереве заметил прикрепленную листовку, содержавшую ложные измышления на советский государственный и общественный строй.

Из показаний свидетеля КЕДИК И.И. видно, что утром 16 августа 1979 г. на улице Зайковецкой с почтового ящика дома №5 снял листовку с машинописным текстом, содержащую клеветнические измышления, порочащие советскую действительность, которую передал соответствующим органам. В этот же день аналогичные листовки снял с девятиэтажного дома по улице .и.айской[1] и со здания райветлечебницы в Ужгороде.

Свидетель ЮРИК М.Ф. показал, что утром 16 августа 1979 г. обнаружил на оконной раме кладовки со стороны улицы Энгельса в Ужгороде листовку, содержащую ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Из протокола изъятия от 29 сентября 1979 г. /л.д. 86/ видно, что из[2] нижнего ящика стола ШИМКО А.С. по месту его работы изъяты 6 отпечатанных на пишущей машинке "открытых писем в ЦК КПСС", содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Заключением судебно-технической экспертизы установлено, что обнаруженные в столе ШИМКО А.С. по месту работы 6 писем и снятые письма гражданами в различных частях гор. Ужгорода и сданные соответствующим органам - всего 23 письма - исполнены на пишущей машинке "Олимпия", которая принадлежит тестю подсудимого ШНЕЕРСОНУ Я.В.[3]

Свидетель ШНЕЕРСОН Я.Б. показал, что в первой половине августа месяца 1979 г. ШИМКО А.С. брал от него пишущую машинку "Олимпия" для печатания переводов и увозил[4] из Львова в Ужгород.

В отношении осмотренных в судебном заседании 11 почтовых карточек, заполненных рукописным текстом /л.д. 119/, и 23 писем, напечатанных на пишущей машинке /л.д. 125/, ШИМКО А.С. показал, что все эти письма изготовил он.

Из заключения судебно-психиатрической экспертизы видно, что

---

1. Неразб.; м.б. "Кит...", "Мин..."
2. В получ. копии "с".
3. Ср. "Я.Б." (ниже и с.6, 7) - вероятно, правильно.
4. В получ. копии "уносил".

ШИМКО А.С. психическим заболеванием не страдает, он отдавал отчет своим действиям и руководил ими, поэтому за содеянное следует считать его вменяемым.

Ссылка ШИМКО А.С. на то, что изготовленные и распространенные им письма якобы не содержат заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, опровергается содержанием этих писем, а также показаниями свидетелей ЯСИНСКОГО П.П., КАЧАЛОВА [1].А., КРАВЧУКА И.И., САЛО В.И., КЕДИКА И.И., РОМАНА В.В., ЮРИКА М.Ф., которые показали, что обнаруженные ими в разных местах гор. Ужгорода письма-листовки содержат заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Оценивая собранные доказательства по делу, судебная коллегия считает, что виновность ШИМКО А.С. в изготовлении и распространении в письменной и печатной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, доказана полностью. Преступные его действия по ст.187-1 УК УССР квалифицированы правильно.

Учитывая, что ШИМКО А.С. на своем иждивении имеет 2-х несовершеннолетних детей, мать преклонного возраста, что является обстоятельствами, смягчающими ответственность, а также личность осужденного - что он не осознал преступный характер своих действий, несмотря на официальное предостережение соответствующих органов, упорно продолжал их, судебное заседание пытался использовать как трибуну для клеветы на советскую действительность, в результате чего представляет особую опасность для окружающих, а поэтому для перевоспитания и исправления ШИМКО А.С. требуется продолжительный срок изоляции от общества с применением в отношении его такого вида наказания, как лишение свободы.

Разрешая вопрос о вещественных доказательствах, судебная коллегия считает, что пишущую машинку "Олимпия" следует возвратить ее владельцу ШНЕЕРСОНУ Я.Б., т.к., отдавая ее подсудимому, он не знал, что тот использует ее в преступных целях.

---

1. В получ. копии инициал отсутствует.

Руководствуясь ст.ст.323 и 324 УПК УССР, судебная коллегия

П Р И Г О В О Р И Л А:

ШИМКО Анатолия Степановича по ст.187-1 УК УССР к трем годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима.

Взыскать с ШИМКО Анатолия Степановича 54 руб. судебных издержек в пользу государства за производство по делу судебно-технической и судебно-почерковедческой экспертиз[1].

Вещественные доказательства по делу - 11 почтовых открыток и 23 "открытых письма" - оставить при деле, а пишущую машинку "Олимпия" после вступления приговора в законную силу возвратить ШНЕЕРСОНУ Я.Б.

Начало срока отбытия меры наказания ШИМКО А.С. исчислять с 19 сентября 1979 г. Меру пресечения ШИМКО А.С. до вступления приговора в законную силу оставить прежнюю - содержание под стражей.

Приговор может быть обжалован, а прокурором - опротестован в кассационном порядке через Закарпатский областной суд в Верховный суд УССР в течение семи суток с момента его оглашения, а осужденным - в этот же срок с момента вручения ему копии приговора.

Председательствующий - ТОКАРЬ
Нар. заседатели - ГРЕЧНЕВ, ГАРАГОНИЧ

Печать

Зам. председателя
Закарпатского областного суда подпись
Р.Ф.[2] ТОКАРЬ

---

1. В получ. копии "экспертизы".
2. Ср. "Г.Ф." (с.1).

АС №5378. Анатолий Шимко, украинец, инженер-конструктор, быв. п/з. Письмо неуказанному адресату с просьбой ходатайствовать о пересмотре его дела, Ужгород, УССР, январь-сентябрь 1983.+

В августе 1979 г. я написал, подписал и распространил в моем городе Ужгороде примитивным, единственным мне доступным способом 40 экземпляров открытого письма в ЦК КПСС. Все, что я писал, я писал абсолютно искренне. Более того, никто ни разу не оспаривал конкретно ни одного из моих утверждений, а факты последующих 3-х лет лишь подтвердили их грустную истинность. Вкратце: я писал о резком замедлении темпов экономического развития в последние годы вследствие плохого управления, об очковтирательстве в отчетах, а также о практически безнаказанном подавлении местными властями критических голосов снизу. Я утверждал, что, следовательно, сообщение о построении "развитого социалистического общества" было преждевременным и что более того - сам стиль нынешнего управления прямо противоположен ленинскому, беспощадно самокритичному.

Я не нарушал советских законов. Более того, я выступал не против социализма, а наоборот, в защиту его основополагающих ленинских принципов. Поэтому я ничего не боялся. Я был наивным.

Примерно через месяц отдел, в котором я работал, внезапно повели на "профсоюзное" собрание. Никто, кроме его организаторов - руководителей парторганизации и подготовленных ими фактов[1], не знал, о чем и о ком пойдет речь. Больше часа выступавшие, в т.ч. зам. областного прокурора, один за другим дружно уверяли присутствующих, что я - лжец и клеветник, обливший грязью нашу замечательную партию и замечательную действительность. Конкретно не было приведено, конечно, ни слова. Почти никто из примерно 150 присутствующих не читал моего письма. Мне дали всего 15 минут и вдо-

+Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.

1. Так в получ. копии; м.б. след. читать "ораторов".

бавок постоянно перебивали: "Это не в[1] повестке". Что мог я, неподготовленный и выбитый из колеи этим собранием, объяснить за 15 минут? Даже в благожелательной атмосфере нужно несколько часов, чтобы рассказать о собственном богатом и горьком опыте борьбы за практическое осуществление наших лозунгов. После этого слова продолжались обвинительные речи, и, наконец, на голосование поставили предложение "изолировать меня от коллектива". Никто не понимал, что это значит. Я сам думал, что речь идет об увольнении с завода. Мне дали еще 3 минуты для "раскаяния" - тогда ничего не будет. Я сказал: "Когда я выступал, меня постоянно перебивали. Что я могу сказать за три минуты? Я просто прочту вам цитату ЛЕНИНА: я надеюсь, по крайней мере, тогда меня не будут перебивать. Здесь говорили много пышных слов о социализме, партии и т.д. ЛЕНИН на них уже ответил наперед: "Не мудрствуй лукаво, не важничай коммунизмом, не прикрывай великими словами безделья, отсталости, халатной обломовщины" /получается, что именно эта цитата вместо "раскаяния обошлась всей моей семье страшной, нечеловеческой ценой/. /Конечно, в протоколе ни этих ленинских, ни других моих слов нет. Там, как и во всех других бумагах, лишь общие слова: грубил, клеветал, вел себя вызывающе, говорил не по существу, плохо работал и т.п./

В условиях организованной демократии исход голосования почти всегда предрешен. Но тут, даже несмотря на такую подготовку, "за решение" подняло руки намного менее половины присутствующих. Большинство вообще ни за что не поднимало руки. Я попробовал повторить голосование и посчитать голоса "за". Подсчет был прерван, в протоколе сделали нехитрую арифметическую операцию: от 150 отняли количество тех, кто при первом голосовании решил поднять руку как "воздержавшийся" /около 20 человек/.

Ночью меня арестовали. - Зачем? Ведь я не прячусь. - Так просила профсоюзная организация.

Два месяца /никакое следствие, конечно, не велось, т.к. расследовать было нечего/ меня содержали в ужасных для меня услови-

1. В получ. копии предлог "в" отсутствует.

ях - готовили к следующему "сюрпризу": был принудительно направлен на "психэкспертизу". Потребовались вся выдержка, самообладание и даже немного хитрости, чтобы вернуться оттуда, и вдобавок не сойти с ума в самом деле. /В качестве "обоснования" в направлении было написано, что я в своем письме назвал наш нынешний жизненный уровень "сравнительно неважным", а также писал о фактическом "бесправии маленького человека" в конфликте с руководством. Ничего больше!/

Я все время - даже после окончания следствия - содержался в условиях строжайшей изоляции. Защитник - ШТЕРН В.М.[1], которого мне представили вечером последнего, 122-го, дня "следствия", оказался агентом прокуратуры. Он не просто оставил меня беззащитным - он выступил на суде фактически с обвинительной речью: о замечательных успехах нашей страны в последние годы /отсюда прямо вытекало, что я - лжец/, о моей якобы безоблачной жизни в частности /отсюда вытекало, что вся моя ложь - заведомая, а мне предъявили именно такое обвинение - ст.187-1/.

В нашей печати суд над "бандой четырех" называли фактически закрытым, т.к. "туда были допущены только делегации с отдельных предприятий". Мой суд был намного более закрытым: были допущены, согласно списку, лишь делегации от двух партийных организаций /тех заводов, где я раньше работал/.

В обвинении зачем-то перечислены все стены и заборы, где я повесил свое письмо, но, конечно, не было ни слова о том, что же в нем - ложь. Судья категорически запрещал кому-либо упоминать хоть одно слово моего письма. Все свидетели - свидетели обвинения, а других не было: из названных мной не вызвали ни одного. Зато члены моей семьи, наоборот, несмотря на мой протест, были включены в списки свидетелей, причем в самый конец - с целью удалить их из зала суда. Задавали вопрос: "Считаете ли вы /не упоминая письмо/, что письмо клеветническое?" - "Да, считаю". Вот и все "доказательство". Видя предательство защитника, я спасался, как мог: начал сам лихорадочно доказывать, что я ведь не лгал... Но меня постоянно перебивали и даже лишили последнего слова. Путь, который я считал единственно спасительным, оказался самым губи-

1. Ср. "В.И." (АС №5377:1).

тельным. Я получил максимальный срок - 3 года, а когда я пожаловался в Верховный суд, там лишь подчеркнули красным карандашом слова в приговоре: "Трибуну суда пытался использовать[1] для клеветы на советскую действительность". И, конечно, я был вынужден отсидеть полный срок, хотя формально я, как обычный уголовник, имел право на освобождение после 1/3 срока[2]. Неофициально предложенная мне "цена" досрочного освобождения оказалась непосильной для моей совести...

Перед арестом я верил, что у нас нет полит. заключенных, т.е. людей, осужденных за искренне высказанные ими взгляды. Впоследствии, наученный горьким опытом, я мечтал лишь об одном: чтобы когда-нибудь политических обвиняемых и политических заключенных фактически уравняли у нас в правах с уголовниками, которыми они /политические/ официально числятся. По сравнению с тем, что пережил я, у уголовников райские условия, и после суда /и даже после освобождения: например, я уже четвертый месяц дома - и без работы. Если бы я был вор, взяточник, мошенник, хулиган или т.п., мое трудоустройство не представляло бы проблемы, тем более с дефицитной специальностью - конструктор/.

Вся та строжайшая, максимально длительная, хоть и совершенно ненужная изоляция, злоупотребление психиатрией, фактически закрытый суд - обливание грязью за неимением других аргументов, и все, все прочее, через что я прошел, - это удел только "политических".

Я прошу вас ходатайствовать о пересмотре моего дела - в соответствии с советскими законами, а не в соответствии с политическими соображениями, эмоциями и т.п.

Подпись ШИМКО Анатолий Степанович

г.Ужгород, ул.Кирова, 29, кв.58

Январь 1983 г.

P.S. С тех пор мало что изменилось: в феврале мне предоставили малоквалифицированную и низкооплачиваемую "инженерную" работу в небольшой "шарашкиной конторе", теперь я сам ушел оттуда.
Сентябрь 1983 г.

1. Точнее: "Судебное заседание пытался использовать как трибуну" (АС №5377:6).
2. Имеется в виду условное освобождение с обязательным привлечением к труду - ст.52-2 УК УССР.

АС №5379. Анатолий Шимко, украинец, инженер-конструктор, быв. н/з. "Открытое письмо в ЦК КПСС" о преследовании за критику,
Ужгород, УССР, сентябрь 1983.+

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В ЦК КПСС

В 1979 г. за открытое письмо в ЦК КПСС я получил 3 года тюрьмы[1] - после того как властям не удалась еще большая гнусность - объявить меня "сумасшедшим". Что побудило меня писать? Прежде всего массовое очковтирательство в экономике, в т.ч. такие приписки, за которые государству приходилось вдобавок платить в буквальном смысле: в виде дополнительных ненужных перевозок, перегрузок и т.п., а также в виде "замораживания" средств: вместо того чтобы где-то работать и давать прибыль, оборудование месяцами и годами перевозилось с места на место, везде отмечаясь в отчетах как "своя" валовая продукция.

Тяжелые газовые компрессоры ленинградского производства нужно установить на простые и легкие подставки, изготовляемые в гор. Николаеве. Компрессоры везут в Николаев /хотя и ребенку ясно, что нужно делать наоборот/, приписывают там их полную стоимость - сотни тысяч рублей - и отправляют в Ужгород. Там вагоны загоняют в тупик завода "Турбогаз"; даже не прикасаясь к ним, тоже приписывают себе всю стоимость оборудования и отправляют в ленинградское /!/ управление газопровода. На все это уходит два года. Компрессоры за это время морально устарели, их разобрали и роторы отправили назад на переделку.

Огромные турбины /миллион рублей каждая/ николаевского производства накрывают временными деревянными кожухами /легкими и разборными, которые очень легко было бы отправить прямо в Николаев/, а затем отправляют обратно на восток. А временные кожухи

+Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.

1. Точнее: арестован в 1979, осужден в 1980 (см. АС №5377).

/дефицитная древесина, кстати, выращенная далеко от Николаевских степей, - плюс тысячи рублей других затрат/ выбрасывают. Только за время моей отсидки Закарпатье только на этой нехитрой "операции" приписало в свои отчеты по валу около СТА миллионов рублей! Конечно, ради спасения таких "дармовых" миллионов и связанных с ними "показателей" местные власти пойдут на все и даже, если надо, сфабрикуют любое "уголовное" дело /мне, например, пришили "клевету на социалистический строй"/.

Но самое печальное для меня то, что за долгие годы борьбы с подобным очковтирательством, пройдя десятки инстанций, вплоть до ЦК КПСС, встретившись с сотнями ответственных работников, я не встретил ни одного члена партии, для которого интересы государства оказались бы дороже спокойной жизни и того, что я назвал круговой бюрократической порукой.

В нарушение закона суд надо мной был фактически закрытым - пустили, строго по списку, только специально отобранных членов партии. Мне не дали ни о чем рассказать, запретили кому-либо упоминать хоть одно слово из моего письма /где же тогда доказательство, что я "клеветал"?/, не позволили вызвать ни одного моего свидетеля, а когда я начал доказывать, что я выступал не против социализма, а наоборот, против позорящих его брежневских порядков, меня тут же лишили даже последнего слова.

Хотя уже всем становятся ясны плоды "титанического" труда БРЕЖНЕВА и его антиленинского стиля партийно-хозяйственного строительства /а я, повторяю, выступал только против этого/, местные власти продолжают меня преследовать - я даже до сих пор не могу добиться своего конституционного права - работать по специальности.

А.ШИМКО
инженер-конструктор 1 категории

г.Ужгород
Сентябрь 1983 г.

АС №5380. Олег Радзинский, п/з. "Ходатайство" суду об исключении из обвинения эпизодов, касающихся его рассказа "Как мы живем" и киносценария "Рождение"
(Москва, 13.10.83).+

Председательствующему Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда заместителю председателя МГС народному судье РОМАНОВУ[1]

от подсудимого РАДЗИНСКОГО О.Э.[2]
/дело №116, ч.1 ст.70 УК РСФСР/

ХОДАТАЙСТВО[3]

В предъявленном мне обвинении содержится следующий пункт: "Весной 1978 года в городе Москве он /то есть я - О.Р./ изготовил с целью распространения сочинение под названием "Как мы живем", в котором клеветнически утверждал, что Советское государство будто бы не заинтересовано в улучшении "материальной обеспеченности народа", а "подменяет ее идеологией, что социализм как экономическая система "нерентабелен". Экземпляры названного документа на протяжении 1978-1980 годов передавал для ознакомления ЛЕБЕДЕВУ А.В.[4], РАДЗИНСКОЙ Г.Ю.[5] и БУЛАХ Г.Ч."

Рассказ под названием "Как мы живем"[6] был написан мною весной 1978 года в городе Москве, и в разное время я передавал его для ознакомления ЛЕБЕДЕВУ А.В., РАДЗИНСКОЙ Г.Ю. и другим своим знакомым и родственникам. Хочу заметить, что изъятые при обыске

+Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.

1. Василий Г. Романов, в должн. по кр. мере с авг. 1980 (Хр.58:5, АС №4171:1), 24.4.84 освоб. в связи с утверждением начком отдела юстиции Мосгорисполкома ("Моск. пр.", 25.4.84); в 1971-76 - пред. нарсуда Люблинского р-на г.М. ("Сов. юстиция", 1971, №7:26, "Бюлл. Верх. Суда СССР", 1976, №4:5).
2. Олег Эдвардович.
3. О процессе 13.10.83 см. АС №5176.
4. Александр Валентинович (там же, с.2).
5. Галина Юстинусовна, быв. жена Радзинского (там же, с.1).
6. Аннотацию см. в АС №5178:1.

20 июля 1982 года экземпляры рассказа были отпечатаны лично мною на принадлежащей моей матери пишущей машинке "Эрика" в то же время. Никто другой к их изготовлению отношения не имел, как я и показывал на допросе 2 марта 1983 года.

Утверждения, на которых основан данный пункт обвинения, действительно имеются в тексте рассказа, но утверждаю это не я - автор, а мой литературный герой - Аркадий. В тексте ясно сказано: "Сейчас он /то есть Аркадий - О.Р./ решил объяснить свою мысль. Понимание нерентабельности социализма как экономической системы жило в сознании и наталкивало на мысль об удивительной гармонии этой системы с русским национальным характером" /т.3, л.167/. Далее следует монолог Аркадия с аргументацией этого утверждения, в котором содержится и такое высказывание: "Ведь система с самого начала своего существования делала упор не на улучшение жизненного уровня, а на идеологию, то есть хотела подменить материальную обеспеченность народа верой в правое дело, ради которого он плохо живет" /т.3, л.168/. Из приведенных цитат видно, что это Аркадий решил пояснить свою мысль, то есть все это является выражением его позиции, а не авторской и, соответственно, оформлено в рассказе как прямая речь героя, а не авторская речь. С этим, я думаю, не согласиться нельзя. Вменение же мне этих высказываний в качестве клеветы с моей стороны строится, как я понимаю, на отождествлении меня и моего литературного героя Аркадия. Это делается на основании показаний свидетеля ЛЕБЕДЕВА, будто бы Аркадий - это я сам /т.2, л.101/. Но это личное убеждение ЛЕБЕДЕВА, которое вытекает только из того, что я ему вроде бы говорил, что экономическая система в СССР делает упор не на улучшение жизненного уровня народа, а подменяет его идеологией, о нерентабельности социализма, то есть совершал высказывание, сходное с высказываниями моего литературного героя. Но из показаний свидетеля ЛЕБЕДЕВА ясно видно, что этот разговор происходил во время работы над рассказом, а у каждого автора в процессе созда-

ния[1] определенного образа есть период, когда он вживается в дух и характер своего героя и пытается в любой ситуации понять, как бы мыслил и вел себя в данном случае его персонаж. Такова специфика литературного творчества. В этот период, вживаясь в образ моего героя, я и высказал те мысли, которые в силу своей идейной и психологической нагрузки в произведении должен был говорить Аркадий. Обвинять меня в словах и делах моего литературного героя нельзя, так же как нельзя обвинять ШОЛОХОВА в словах и делах его литературного героя из романа "Поднятая целина" Половцева, который убивал активистов. Утверждение же о том, что из рассказа не следует авторская позиция, осуждающая позицию персонажа, безосновательно. Действительно, в рассказе нет косвенной, то есть авторской, речи, выражающей осуждение главного героя - Аркадия. Но есть разные методы литературного творчества, и я считаю, что прямая авторская дидактика и морализирование - не самый лучший. Есть другой метод, который ЧЕХОВ называл методом айсберга: одна восьмая над водой, а семь восьмых под водой. То есть я пытаюсь строить свои произведения следующим образом: не выражать впрямую, дидактически, не навязывать читателю свою авторскую позицию, а написать так, чтобы читатель ее понял из хода сюжета, обрисовки образов персонажей, их речевых характеристик и других деталей построения произведения, чтобы ему было не все объяснено и разжевано, а он должен был сам подумать и сделать некоторые выводы. В этом случае читатель как бы сам дописывает, додумывает произведение, то есть в его сознании протекает процесс творчества, а вернее, сотворчества с автором. Такая личная причастность, на мой взгляд, увеличивает эффект восприятия литературного произведения.

Что касается моей авторской позиции в этом рассказе, то она вытекает из самого хода сюжета: герой, произносивший все вмененные мне в качестве клеветы высказывания, живет бездумной жизнью. Он, в принципе неплохой парень, тратит свое время на пьянство, на бесцельные разговоры, полные иронии, под которой нет настоящей мысли, или на высокопарные слова о Родине, о народе, причем

1. В получ. копии "издания" - опечатка.

судит безапелляционно и несостоятельно, так как он просто не знает этого народа: он никогда не работал и даже не хочет учиться /смотрите конец рассказа, где Аркадий решает ехать не домой, чтобы пойти утром в университет, а к девушке/. В рассказе ясно видно, как пьянство и бесцельность, рефлексия и безделье, безапелляционность и мнимая значительность приводят человека к подонству, когда он, чтобы выместить злобу на самого себя, бросается на ни в чем не повинного прохожего и бьет его. Это ли не авторское осуждение? Отношение к такому герою - Аркадию и ему подобным - выражено еще в самом начале - в эпиграфе к рассказу:

...И горечь полыни на наших губах...
Нам нож - не по кисти,
Перо - не по нраву,
Кирка - не по чести,
И слава - не в славу.
Мы ржавые листья
На ржавых дубах.

Именно такое ощущение и возникает, по-моему, после прочтения рассказа: ощущение неприязни к бесполезному, мнимозначительному человеку, который постепенно озлобляется на самого себя, понимая, что идет к гибели, но винит в этом страну, строй, то есть кого угодно, кроме истинного виновника - самого себя. Это действительно человек, душа которого гниет, превращаясь в ржавый листок, вроде тех, что поздней осенью сгребают в кучи, и они допревают, никому не нужные и бесполезные. Именно такой человек и показан в рассказе, человек, отказавшийся от деятельности в пользу рефлексии, губящий себя пьянством и бездельем. Этот рассказ и был мною написан, чтобы помочь некоторым молодым людям понять бесцельность и пагубность подобной жизни, выявить всю ее непривлекательность. И меня обвиняют в том, что я - это сам Аркадий /поскольку на этой посылке основано вменение мне его слов в качестве клеветы с моей стороны/, что я пропагандировал все это, - то есть в прямо противоположном! Просто абсурдно. И крайне обидно.

Я считал и продолжаю считать, что рассказ "Как мы живем" может помочь некоторым молодым людям очиститься от подобной скверны, начать жить истинной жизнью, жизнью созидания, единой с дыханием и ритмом страны, а не в своих рефлективных выдуманных переживаниях. Исходя из всего сказанного, я не признаю себя виновным в данном эпизоде и прошу суд исключить его из обвинения.

В предъявленном мне обвинении имеется и следующий пункт: "В мае-июле 1981 года с той же целью изготовил так называемый сценарий под названием "Частная жизнь Эдуарда Басилии"[1], в котором возвел клевету на внешнюю и внутреннюю политику СССР, социалистическую демократию и правопорядок, утверждал, что в стране якобы проводятся незаконные "репрессии", "хозяйство разрушено", существует "экономический застой", "материальная обеспеченность народа подменяется верой в правое дело, ради которого он плохо живет", что будто бы СССР проводит экспансионистскую политику, в частности "оккупировали Чехословакию и Афганистан". Киносценарий "Рождение" /а не "Частная жизнь Эдуарда Басилии", как сказано в обвинении/ был написан мною в мае-июле 1981 года, он существует только в одном рукописном экземпляре, и я его никогда и никому не давал для ознакомления. Его замысел идейно связан с моим рассказом "Как мы живем". Сюжет сценария является отголоском проблематики романа Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО "Бесы", то есть в центре внимания стоят вопросы моральной ответственности каждого гражданина за судьбу державы, невозможности одному человеку решать судьбу народа и решать за народ, опровержение идеи о допущении пролития "малой крови" вместо "большой". Кроме того, в сценарии воплощена моя личная негативная позиция по отношению к терроризму и насилию. Насилие никогда не может быть оправдано. Никогда и ничем.

Относительно пункта обвинения, связанного с моим сценарием, могу повторить сказанное на предварительном следствии: "Что касается встречающихся в тексте высказываний героев сценария, то хочу заметить следующее: эти высказывания являются выражением идейного кредо самих героев, а ни в коем случае не прямым выра-

1. Ср. "Басилия" (АС №5178:1).

жением авторской позиции" /т.1, л.287/. Итак, все, что вменяется мне в качестве клеветы, произносится в тексте сценария один раз и только одним героем - Эдиком - в программном разговоре между ним и его друзьями - Аликом и Аркадием /т.4, лл.20-21/. Этот разговор крайне важный для всего хода произведения, в котором выясняются позиции героев. Вот они: Аркадий - решил эмигрировать, весь находится во власти съедающей его рефлексии, пытается убедить себя, что "здесь", в нашей стране, для него все чужое, он как бы уже уехал, он - чужой всему и всем здесь /это ложное чувство, как показывает сцена его гибели в метро, когда Аркадий осознает ответственность за происходящее и остается вместе со всеми людьми, вместе со своим народом и отдает за этих людей жизнь/. Что касается его политической позиции, то он высказывает ее достаточно ясно: мне многое здесь не нравится, но я не знаю, как будет лучше, нужно ли то, чего хочу я, всему народу или это только мое /то есть узкого круга лиц/ желание. У него нет позитивной программы; смириться с тем, что ему не нравится, он не хочет, а предложить лучшего не может, вот и решил уехать, сбежать, убеждая себя, что уже внутренне расстался с этой страной. Эдик - это закомплексованный, с острым ощущением собственной социальной и общественной незначимости юноша, который хочет оправдать свои личные неуспехи гонениями на него со стороны властей за его убеждения. У него, кроме того, имеется определенное общественное честолюбие, он хочет совершить политический шаг большой важности, который одновременно удовлетворил бы и его комплекс неполноценности, и его жажду героизма. Такой шаг он видит в террористическом акте. Его убеждения в основном носят эклектичный, заимствованный характер; он мыслит только в глобальном, мировом масштабе, делая это так же безапелляционно и безосновательно, как Аркадий в рассказе "Как мы живем". И, наконец, Алик; он живет самой нормальной жизнью из всех троих: закончил университет, работает по специальности, собирается защищать диссертацию. Он самый веселый, самый реально смотрящий на жизнь среди

всех героев. Его тоже многое не устраивает, но он занял такую позицию: я не знаю, как лучше, и поэтому буду просто тихо жить, честно работать и не лезть в решение мировых проблем, в которых я не компетентен. Он считает, что свой гражданский долг он выполнит и так, не вмешиваясь ни во что глобальное, потому что Алик просто не верит, что он сможет что-то изменить. То есть, говоря обывательским языком, "моя хата с краю".

И вот эти-то позиции находят отражение в разговоре между ними. Конкретно говорится следующее:

"Эдик продолжал: Итак, сначала я хочу обрисовать положение страны. Мы оккупируем другие страны - Чехословакию и Афганистан, и, поскольку демонстрируется сильная сторона внешней политики, было бы нелогично не продемонстрировать сильные стороны внутренней политики - сажают инакомыслящих. Но народ не поддерживает правительство.

- Так ты к нам от имени народа? - осведомился Алик.

- Поговори с любым, - предложил Эдик. - Выйди и поговори с любым. Хозяйство разрушено, режим усиливается, поскольку хочет сохранить себя. Это вам ничего не напоминает?

- Что именно? - спросил Аркадий.

- Да все положение дел! Оккупация близлежащих стран, репрессии, у ГИТЛЕРА все начиналось так же. Он, кстати, тоже сначала оккупировал Чехословакию.

- Вот это ты перегибаешь, - сказал Алик. - Вот это ты не прав" /т.4, лл.20-21/.

Видно, что Эдик действительно произносит все, что указано в обвинительном заключении. Но произносит-то это Эдик! И тут хочется спросить: на каком основании это вменяется мне?!

Говоря о рассказе "Как мы живем", я уже останавливался на проблеме соотношения авторской позиции и позиции литературного персонажа. Но в том случае следствие основывалось на отождествлении образа моего литературного героя и автора, то есть меня. Но здесь-то, в сценарии, абсолютно ясно видно не только несовпадение

авторской позиции и позиции персонажа, но и явное противопоставление этих позиций, явное осуждение мною, автором, террориста и убийцы Эдика. Это понятно и из отношения к нему других героев, и из сюжетного хода сценария, да и из того, как неприязненно написан сам его образ. Так на чем же основывалось следствие, вменяя мне слова литературного персонажа, которого я столь ясно осудил в сценарии? Вероятно, все на том же мнении, что в произведении будто бы не выражена авторская позиция. Это заблуждение. В сценарии эта позиция высказана достаточно ясно и не один раз. Не надо забывать о том, что сценарий - это специфическая форма литературного творчества: в нем нет и не может быть авторской речи, в которой обычно выражается авторская позиция дидактически, прямолинейно. В сценарной форме литературного творчества позиция автора выражена сюжетным ходом, речевыми характеристиками героев, ремарками и другими деталями построения произведения. Из сценария "Рождение" ясно видно, что весь сюжетный ход осуждает Эдика, приводит его к осознанию пагубности того, что он сотворил: убил ни в чем не повинных людей, в том числе и своего друга - Аркадия. В этом движении образа и выражена авторская позиция осуждения героя, которому принадлежат все высказывания, вменяемые мне как клевета.

Но все это авторское отрицание позиции одного из героев, а где же позитивная авторская программа? Есть ли она? Да, есть. Есть определенная авторская концепция, выраженная в движении сюжета и движении образов других героев - Аркадия и Алика. Про Аркадия уже говорилось выше, добавлю только, что в нем показана внутренняя нерасторжимость человека со своим народом, показано, как человек от полного отрицания своей причастности к жизни страны и ее людей приходит к тому, что он отдает за этих людей жизнь. Но он погибает, а остается третий из героев произведения - Алик. Посмотрите, как меняется, а скорее, высвечивается его характер. С этого легкого, ироничного, общительного и преуспевающего "денди" как шелуха слетает налет ложной самоуспокоенности и уверенности в правильности своей жизненной позиции. Видно, что ему не-

легко быть обывателем, нелегко прятаться от активной гражданской деятельности. Первый раз это становится понятно из его спора с Эдиком в начале сценария: как он неравнодушно относится к жизни государства, хотя вслед за этим Алик пытается объяснить Аркадию, почему он собирается держаться от всего подальше. Позиция, занятая им по отношению к декларации Эдика, очевидна: это позиция отрицания. Когда тот заявляет, что "...народ не поддерживает правительство", то Алик насмешливо спрашивает: "Так ты к нам от имени народа?" /т.4, л.21/, то есть он, как и автор, не оставляет за Эдиком права говорить от этого имени. А вот его ответ на все мрачные прогнозы Эдика: "Нет, - сказал убежденно Алик, - наши руководители не настолько безответственны и, вероятно, тоже понимают всю серьезность ситуации. Там ведь тоже думают" /т.4, лл. 25-26/. Определенно Алик оценивает и задуманный Эдиком террористический акт: "Алик, глядя в пол, сказал с какой-то грустью: - Ты ненормальный. Бедный шизофреник" /т.4, л.29/. И вот, наконец, его окончательный ответ на все высказывания Эдика, высказывания, безосновательно вменяемые мне в качестве клеветы: "...Алик даже перешел на шепот от возмущения. - Все, что ты говоришь, свидетельствует о твоей политической несостоятельности. Ведь ты "любимому" народу ничего предложить не можешь, кроме как взорвать его" /т.4, л.37/. Здесь уже звучит определенная гражданская позиция. Следующий момент откровения - его разговор с редактором, когда тот объясняет ему некоторые житейские премудрости, а именно - как быть тихим и удобным, то есть его попытка занять принципиальную профессиональную и гражданскую позицию встречает сопротивление со стороны начальства, которое его должно было бы воспитывать и поддерживать. Так, через все напускное равнодушие и отстраненность от общественной жизни державы пробивается острое ощущение гражданской причастности: и в разговоре с Эдиком Алик не может выслушивать его бредовые речи, и в беседе с редактором не остается безучастным к судьбе порученного ему дела. Это показано и в последнем его разговоре с Эдиком - убийцей их друга Аркадия.

Вот что Алик говорит ему: "Мне осталось самое трудное - жить. И жить иначе, чем я жил раньше. Жить вместе с народом, его горестями и радостями. И постараться сделать так, чтобы было меньше горестей и больше радостей". И весь-то сценарий - о том, как Алик становится гражданином; в начале произведения суть три позиции, три направления, а в конце остается одна линия, один Алик: Аркадий погиб, Эдик тоже погиб /он проиграл и в общественном аспекте, и в моральном/, а Алик - Алик родился новый, как из сопряжения двух векторов появляется третий. Зерно гражданственности зрело в нем давно, но потребовалась трагедия, чтобы произошел катарсис - очищение, очищение от всего наносного и ложного, что было в нем, чтобы проступило то истинное и цельное, что отличает Гражданина от обывателя. Об этом и конец сценария: ночь прошла, и наступило утро 1 мая, и вот Алик "...идет по утренним улицам, на которых собираются колонны демонстрантов, чтобы идти к Красной площади. Это праздничные колонны с флагами, плакатами, транспарантами; шумные и праздничные. Играют оркестры. Эти колонны идут по проезжей части, а Алик идет параллельно им по тротуару. Так они и идут долгое время отдельно: демонстранты сами по себе, а Алик сам по себе. Но вот улица делает поворот, и вот в этом-то узком проходе Алик оказывается неожиданно в колонне. Он сначала растерянно улыбается, затем его затягивают все дальше и дальше, и видно, как он идет среди остальных демонстрантов, а потом он теряется, и вот уже не видно лиц, а просто идут и идут люди, идут на свой праздник" /т.4, л.125/. В приведенной цитате несколько символично выражена центральная мысль всего произведения: даже если человеку, Гражданину, что-то лично не нравится в своей стране, он должен сначала доподлинно узнать: а не хочет ли он подменить истинные народные интересы своими личными или интересами какого-либо узкого круга лиц, не выдает ли он за общенародные чаяния потребности определенной прослойки. И если он поймет, что это действительно так, то его гражданский долг - пойти вместе с народом даже против своих желаний и интересов, но за общенародные.

В этом-то и есть гражданское мужество, умение жертвовать личным ради общего. И потому Алик, которому многое не по душе, с чем и была связана его позиция невмешательства, входит в общую колонну и становится под общие лозунги. Потому что когда поворот узкий, то надо выбирать, с кем ты, и тут-то с настоящего человека слетает все наносное, лишнее, и остается истинное, главное - твоя Родина и твой Народ. И собственную судьбу Человек не может мыслить отдельно от их судьбы. Вот почему сценарий и называется "Рождение", рождение Гражданина.

Из всего сказанного, на мой взгляд, абсолютно ясно следующее: вменяемые мне в качестве клеветы высказывания являются выражением не авторской позиции, а позиции одного из литературных персонажей - Эдика, причем эта позиция развенчивается всем сюжетным ходом сценария. Кроме того, в сценарии есть и авторская концепция, воплощенная в движении образа другого литературного героя - Алика, движении от обывателя к Гражданину. На основании всего этого я не считаю себя виновным в этом эпизоде и прошу суд исключить его из обвинительного заключения. В случае удовлетворения моего ходатайства об исключении из обвинения пунктов, связанных с написанными мною рассказом "Как мы живем" и киносценарием "Рождение", прошу суд вернуть мне мои произведения.

РАДЗИНСКИЙ[1]

Количество листов -

---

1. Приговор Радзинского - 1г. заключения + 5л. ссылки (АС №5176: 4). Из ссылки Радзинский послал открытое письмо Р.Рейгану о своем отказе от его помощи (АФП, Рейтер, 8.12.83, изложение см. ТАСС, по-англ., 25.1.84); находясь в Москве 17.12.83 - 25.1.84 для лечения, он подтвердил правильность по-существу изложения ТАСС (АП, ЮПИ, 25.1.84); 5.4.84 из ссылки написал письмо инкорам в Москве о своем выходе из Группы доверия (АП, АФП, Рейтер, ЮПИ, 18.4.84).

АС №5381. Сообщение о суде над Владимиром Порешем в Чистопольской тюрьме 23.10.84 (без места, вскоре после 23.10.84).[+1]

Уголовное дело было возбуждено 31 июля 1984 г.[2] /за один день до окончания тюремного заключения/. Никому из родственников об этом сообщено не было. Телеграмма самого Владимира ПОРЕША с оплаченным ответом[3], переданная им через следователя, отправлена не была. Суд состоялся 23 октября и длился 2,5 часа. Место заседания суда - одно из административных помещений здания тюрьмы г.Чистополя Татарской АССР. Состав городского суда - народный судья и два народных заседателя /сторона обвинения и сторона защиты, а также свидетель только со стороны администрации ИТУ/. В зале суда /маленькая комнатка/ присутствовали жена В.ПОРЕША[4] и его родители. Статья обвинения - "Злостное нарушение осужденным режима содержания в ИТУ" /ст.188-3 УК РСФСР, срок наказания - от одного года до пяти лет лишения свободы/[5]. Эпизоды, проходившие по делу /по суду/:

1. В.П. перебрасывал записку из одного прогулочного дворика в другой

Записки как свидетельства представлено не было. Заслушаны показания охранника, дежурившего на вышке /он говорит, что видел записку/.

В.П.: Может, я конфетку бросил...

Охранник: Ну да, конфетку. Что, я не видел?

Врач /с места/: Конфетка взрослому человеку не поможет.

В.П. /взрывается в негодовании/: Если человек на голодном пайке, ему все поможет. А еще врач называется.

[+]Перепечатка с перепечатанной копии оригинала из АС.

2. Владимир Юрьевич Пореш 1-й раз был арестован 1.8.79 (АС №3748: 5), 25.4.80 Ленгорсудом осужден по ст.70 УК РСФСР на 5л. ИТК стр.реж. + 3г. ссылки (АС №4022). Биографич. данные о нем см. "Справка: Христианский семинар по проблемам религиозного возрождения. Участники и лица, связанные с семинаром" ("Материалы Самиздата", 1980, вып.27, - далее: Справка). В получ. копии "июня" - описка или опечатка.
3. В получ. копии "тикетом" - описка или опечатка.
4. Татьяна Михайловна Купатадзе (Справка).
5. Точнее: "Злостное неповиновение требованиям администрации ИТУ" (введена в действие Указом ПВС РСФСР от 13.9.83 - см. "Ведомости ВС РСФСР", 1983, №37, ст.1334).

1. Текст опубликован в газ. "Русская мысль", 3.1.85.

В суд представлена записка на иврите, неизвестно где найденная.

В.П.: Эту записку я не мог написать, я не знаю иврита. Насколько помнится, я ничего не передавал в тот раз, но это ничего не меняет. Я перебрасывал и буду перебрасывать записки, я перестукивался и буду перестукиваться через стену, я разговаривал и буду разговаривать через унитаз, потому что там мои друзья, и я должен знать, как они живут, в каком положении они находятся. Я писал и буду писать заявления против того произвола, который царит со стороны администрации. Все время, которое я сижу, я вел себя одинаково. До этого два года подряд у меня не было ни одного нарушения, но как только нужно было, чтобы я их имел, у меня появилось сразу семь. Новая статья УК явится, конечно, хорошим средством против всего этого. Руководствуясь им, можно никогда не выпускать человека из тюрьмы. Но я не стану искривляться, даже если за это мне придется просидеть всю свою жизнь.

2. Отказ от выхода на работу

В течение двух недель В.П. в числе других осужденных отказывался от выхода на работу. В.П. объяснил, что он и другие полит. ЗК отказались от выхода на работу в знак протеста против жестокого обращения адм-ции с полит. ЗК ГРИГОРЬЯНЦЕМ[1] /охранники сломали ему руку/.

В.П.: Когда прокурор по надзору[2] не отвечает на адресованные ему жалобы и заявления, у нас нет иных форм борьбы, кроме забастовки. Если бастуют на Западе, приветствуете и рукоплещете этому; когда же такое происходит здесь, нас привлекают к уголовной ответственности.

Судья: Установленные государственные законы надо исполнять.

В.П.: Есть закон и порядок, которые надо выполнять, есть власти, которым надо повиноваться, но есть вместе с тем высший закон, который требует от нас справедливости в отношениях друг с другом. Если закон и порядок этой "справедливости" лишены, они не могут оставаться незыблемыми. Против такого положения вещей надо бо-

1. Сергей Григорьянц, арестован 17 или 18.2.83. 26.10.83 Калужским облсудом осужден по ст.70 УК РСФСР на 2г. тюрьмы, 5л. ИТК стр.реж. + 3г. ссылки (биографич. данные о нем см. АС №5125:15).
2. В 1980 - Зайцев ("Вести из СССР", 1980, №22:3).

роться. Пока нас мало. Но, если в госуд-ве большинство населения выступает против какого-то закона, он должен быть изменен. Я считаю ст.70 УК бесчеловечной, а введение той статьи, по которой меня судят, возвратом к временам СТАЛИНА...

/Прокурор и судья слушали эти слова[1] с явным недоумением, как нечто новое для себя./

3. Клевета на администрацию

Находясь в карцере, В.П. слышал, как в соседней камере охранники избивали ЗК. Через некоторое время, перестукиваясь через стену, тот рассказал, что его били кулаками и дубинкой. Впоследствии, когда В.П. написал заявление прокурору по надзору с протестом против подобного отношения к заключенным, потерпевший в присутствии еще семи человек /находившихся в тот момент рядом с ними в одном[2] помещении и обсуждавших это заявление/ подтвердил, что все изложенные В.П. факты - верны. Это же он как свидетель подтвердил на предварительном следствии, в связи с чем следователем этот эпизод в отношении В.П. был снят и вынесено частное определение о необходимости привлечения к ответственности лиц, избивавших заключенного. На суде свидетель, путаясь в противоречиях и явно запуганный, то подтверждал, то отрицал свои показания, данные на следствии. Пытался сгладить жестокость в отношении охранников к себе. Он, с другой стороны, все же подтвердил, что именно так и говорил В.П., как тот написал в заявлении. /Эпизод вошел в обвинительный приговор суда./

4. Оскорбление администрации

Заключенные, выполняющие половину рабочей нормы на производстве, имеют право получать 450 г хлеба в день.[3] Начальник тюрьмы[4] приказал давать 350 г. В.П. в заявлении на имя прокурора по надзору сказал, что начальник тюрьмы фактически ворует этот хлеб у ЗК.

На суде В.П. сказал, что если это слово оскорбляет личное достоинство начальника тюрьмы, то он готов извиниться. Но как же тот не вор, если в течение 10 дней после распоряжения прокурора хлеб выдавали по старой норме?

---

1. В получ. копии "оба снова".
2. В получ. копии "каком".
3. 450 г выдается на стр. режиме в тюрьме, при выполнении полной нормы - дополнительно 100 г. (АС №4966:4).
4. К-н Александр Н. Романов, в должн. по кр. мере с нач. янв. 1983; о встречах И.Мильгром с ним 4 и 14.1.83 см. АП, 8.1.83, С.Шмеман, "Нью-Йорк таймс", 30.1.83.

Выявившаяся на суде картина бесчеловечного отношения адм-ции к ЗК еще больше усугубляется введением новой статьи УК РСФСР. Люди, посаженные за решетку за отстаивание права думать по-своему, здесь лишаются прав противостоять насилию и жестокости своих охранников.

Есть явные свидетельства тому, что[1] новое дело В.ПОРЕША составлено по прямому указанию Ленинградского КГБ.

Прокурор просил 4 года лишения свободы, адвокат - освободить ввиду отсутствия состава преступления.

Суд определил: 3 года лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовом учреждении[2] строгого режима.

Общий срок: 3 года 1 день и 3 года ссылки.

---

1. В получ. копии слово "что" отсутствует.
2. Точнее: "исправительно-трудовой колонии".